

какъ ему дорого время, я поспѣшилъ отправиться въ номера „Дома трудолюбія“. Тамъ мы—священникъ изъ Америки О. Хотовицкій, я и какой то купецъ изъ средней Россіи—рѣшили попросить о. Іоанна отслужить у насъ молебень, когда онъ прїѣдетъ въ „Домъ трудолюбія“. Скоро о. Іоаннъ прїѣхалъ, помолился и не отказался откушать полстакана чаю. Все время за чаемъ онъ благодушно бесѣдовалъ съ нами. О. Хотовицкій попросилъ его подписать его (о. Іоанна) портретъ въ благословеніе Американской православной паствѣ, а я осмѣлился попросить подписаться на оборотѣ данной имъ мнѣ иконы Спасителя. Сначала я самъ написалъ: „Въ благословеніе іерею Михаилу Петровичу Иванову“, а о. Іоаннъ добавилъ:

„Протоіерей Іоаннъ Сергіевъ. 20 окт. 1903 г.“

Миръ праху твоему добрѣйшій изъ добрыхъ пастырь, молитвенникъ земли русской, вѣрная, крѣпкая опора самодержавія и престола Царей русскихъ. Радуются пастыри и народъ російскій, что нашъ Царь, Помазанникъ Божій, искренно любя тебя, не только молится за тебя Самъ, но пожелалъ, что бы и вся Русь молилась объ упокоеніи тебя ежегодно 20 декабря, въ день твоей кончины. И я, грѣшный, не могу молиться о тебѣ безъ слезъ... Вѣрю, что ты, служитель Христовъ,—истинный праведникъ, молитвенникъ за насъ грѣшныхъ во Святыхъ небесныхъ обителяхъ. Люби насъ и молись за насъ предъ Престоломъ Господнимъ также, какъ это всегда ты творилъ на землѣ!

Душою и сердцемъ преданный тебѣ

священникъ *Михаилъ Ивановъ*.

Одинъ изъ недостатковъ храмовыхъ построекъ.

Въ жизни всякаго приходскаго священника бываетъ много разнаго рода явленій—и скорбныхъ и радостныхъ, а иногда прямо для него не понятныхъ. Является онъ въ праздничный день въ

храмъ Божій для совершенія богослуженія. Здѣсь все окружающее его—св. иконы, престолы въ алтаряхъ, масса богомольцевъ взираютъ на своего пастыря и слѣдятъ за каждымъ его движеніемъ, его дыханіемъ. Выходя изъ дома, священникъ чувствуетъ, что онъ отрѣшается отъ всего земаго, мірскаго и, такъ сказать, одухотворяется, проникается высокой идеей предстоящаго величайшаго христіанскаго акта—совершенія евхаристіи; все земное, тлѣнное, домашнее, хозяйственное, жена, дѣти—какъ бы не существуетъ, ступевывается при предстоящемъ священнослуженіи. И самое душевное его настроеніе въ данный моментъ должно быть высокое, ничѣмъ не нарушаемое, спокойное. Онъ весь уходитъ въ святое дѣло; душа и умъ его устремляются въ небесную высоту и, какъ мы уже сказали, что-либо житейское, мелочное не должно отвлекать ихъ въ сторону.

Таково должно быть и бываетъ состояніе души совершителя священнослуженія. Удивительно ли послѣ этого, если мы не рѣдко видимъ служителя алтаря Господня съ лицомъ какъ бы не человѣческимъ, а духовнымъ, радостнымъ, пріятнымъ.

Но священникъ прежде всего *человѣкъ* и все человѣческое ему присуще. Природа всегда и всюду одна и беретъ свое, и съ ней считается приходится и священнику, совершающему литургію. Такъ, напримѣръ, болѣзненное состояніе, явившееся вдругъ, неожиданно,—что тогда? А развѣ это не въ порядкѣ вещей, развѣ это не возможно? Каждый изъ служащаго духовенства хорошо знаетъ эту возможность и всегда имѣетъ ее въ виду. Внезапно начавшаяся болѣзнь священника вызываетъ въ немъ ужасное состояніе его души и тѣла; раньше благопріятно настроенная душа, въ одинъ моментъ видоизмѣняется до неузнаваемости, и получается боязнь, опасенія и даже трусость.

Теперь посмотримъ на душевное состояніе заболѣвшаго священника во время особенно литургіи.

Нужно сказать, что самая опасная болѣзнь для служащаго священника—это желудочная болѣзнь. Заболѣвшій священникъ сразу теряетъ самообладаніе, теряется до неузнаваемости: лицо блѣднѣетъ, руки дрожать, голосъ измѣняется до хрипоты; и это ужасное состояніе священника (особенно въ холерное время) доводитъ его иногда до потери сознанія.

Болѣзненные симптомы желудка вынуждаютъ священника разоблачиться и выйти изъ церкви домой. А это только легко связать, но не легко сдѣлать. Первое—что нужно сдѣлать, приостановить службу; а это рѣдкое явленіе произведетъ среди молящихся смущеніе, вызоветъ гнетущее состояніе у самого священника, вынужденнаго выбираться изъ церкви чрезъ тысячную толпу народа.

Не удивительно, если священники, испытавшіе такого рода несчастіе хотя бы одинъ разъ, затѣмъ на всю жизнь заражались маніей боязни во время совершенія литургіи; и эта болѣзнь, укореняясь, дѣйствуетъ убійственно на душевное состояніе священника. Неотступная, ничѣмъ не оразимая болѣзнь эта не даетъ больному покоя ни днемъ, ни ночью. Никакое лѣченіе не доступно, такъ какъ эта болѣзнь всею силою своею пала на нервы и поразила ихъ. Я, говорилъ одинъ священникъ, долгіе годы страдалъ этой ужасной болѣзью, исхудалъ, постоянно былъ задумчивъ и раздражителенъ и всякая церковная служба для меня была величайшей тяжестью; оставалось или выходить въ заштатъ, или принимать и изыскивать свои мѣры, такъ какъ послѣднія медицинскія средства—окачиваніе холодной водой—оказались не дѣйствительными. И я, продолжалъ батюшка, изыскалъ то средство и излѣчился отъ преслѣдованія болѣзни—«маніи боязни»—на всегда самымъ простымъ средствомъ. Какимъ же,—мы спросили?—Да очень простымъ, а именно: прорубилъ въ алтарной стѣнѣ выходную дверь и, такимъ образомъ, получился свободный выходъ изъ алтаря на ограду, которымъ легко и удобно воспользоваться во всякое время въ случаѣ какого-либо несчастія. Эта спасительная дверь, продолжалъ батюшка, быть можетъ и спасла меня отъ сумасшествія. Теперь, говорилъ священникъ, я безбоязненно служу и никогда не приходится въ голову то, что мучило меня долгіе годы, хотя иногда, правда, случается, что проскользнетъ въ головѣ, какъ молнія, таже мучившая раньше меня мысль, но тотъ-же часъ исчезнетъ безслѣдно.

Не говоря о тѣхъ крайне несчастныхъ случаяхъ, которые могутъ быть со служащими священниками, другія неприятели,—и даже большія,—могутъ быть и съ молящимися прихожанами, напр. во время пожара въ храмѣ въ праздничный день, при стеченіи тысячной толпы молящихся. Куда дѣваться тогда при однѣхъ только западныхъ дверяхъ? Вѣдь ужаса этого положенія невозможно

и представить! Десятки людей, малыхъ дѣтей, женщинъ будутъ изуродованы, искалѣчены, убиты, многіе задохнутся ютъ дыма. И все это произойдетъ только лишь по невнимательности нашихъ архитекторовъ, рисующихъ церковныя планы, но не принимающихъ во вниманіе великое значеніе выходныхъ дверей. Въ нѣкоторыхъ градскихъ церквахъ не имѣется дверей не только въ алтаряхъ, но не существуетъ ни сѣверныхъ, ни южныхъ. И двери были, но по соображеніямъ или духовенства, или ктиторовъ церковныхъ, всѣ заложены кирпичами—къ чему? Южныя и сѣверныя двери должны быть по уставу церковному, и въ извѣстные установленныя дни должны открываться для прохода въ нихъ съ священной процессіей, на примѣръ, въ первый день св. Пасхи, и тогда одна дверь западная служить для всѣхъ выходовъ, а этого то и не должно быть. Мало того, двери, разъ онѣ есть, должны во время праздничныхъ богослуженій быть всегда потперты—на случай, а въ лѣтнее время отворены, и въ великія праздники въ церквахъ, такъ и въ сельскихъ тѣмъ болѣе неотложна, что несчастные случаи были не рѣдки и описаны въ разныхъ газетахъ.

Мы увѣрены, что архитекторы не лишуютъ на церковныхъ планахъ дверей скорѣе по недогадливости какъ ихъ самихъ, такъ особенно духовенства. Между тѣмъ, по нашему мнѣнію, духовное начальство должно требовать планы на новыя церкви съ непремѣннымъ условіемъ—намѣчать на планахъ сѣверныя и южныя двери, а, если можно, то и въ алтарной стѣнѣ; тогда духовенство и архитекторы неуклонно будутъ считаться съ требованіемъ начальства.

Прот. Гр. Львовъ.

С. П. Писаревъ.

(Некрологъ).

3-го декабря 1908 года неразборчивая къ своимъ жертвамъ смерть безвременно похитила скромнаго сельскаго труженика-учителя Больше-Меретяковского земскаго училища, Лайшевскаго уѣзда, Семена Прокопѣвича Писарева, скончавшагося послѣ непродолжительной болѣзни на 24 году жизни.